

А. И. ЖУРАВСКИЙ

О НЕКОТОРЫХ РАЗЛИЧИЯХ МЕЖДУ ПИСЬМЕННОЙ И РАЗГОВОРНОЙ ФОРМАМИ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В лингвистической литературе в качестве аксиомы отмечается, что различие между разговорным и письменным стилями имеет общелингвистический характер и проявляется во всех развитых языках, однако глубина и степень подобных расхождений определяется конкретными условиями развития каждого языка. При этом из числа славянских литературных языков в качестве примера приводится чешский язык, где различие между письменной и разговорной формами ощущается больше, чем в других славянских языках¹.

В противоположность этому белорусский литературный язык можно отнести к числу таких славянских литературных языков, в которых расхождения между письменной и разговорной формами относительно невелики.

Следует, однако, заметить, что в белорусском языкознании эта проблема специально еще не изучалась, поэтому в настоящее время по ней можно высказать только некоторые предварительные соображения, которые в будущем могут получить дальнейшую детализацию.

Сравнительно незначительные различия между письменной и разговорной формами белорусского литературного языка объясняются некоторыми особенностями его исторического развития. Современный белорусский литературный язык относится к числу самых молодых славянских литературных языков. Он начал формироваться в эпоху славянского национального возрождения, но из-за неблагоприятных политических условий процесс становления его проходил значительно медленнее, чем у других славянских народов. Новый белорусский литературный язык окончательно оформился лишь в первых десятилетиях нашего столетия.

Заметной особенностью нового белорусского литературного языка является то, что он создавался полностью на живой народно-диалектной основе, вовсе не используя достижения письменного языка предыдущих столетий². Веским доказательством отсутствия прямой преемственности между старым и новым белорусским литературным языком можно считать тот факт, что новому белорусскому языку вовсе не свойственны старобелорусские книжные средства. Так, в современном белорусском языке отсутствуют лексические старославянизмы, которые в значительной мере сохраняются, например, в русском языке и были употребительны в старобелорусской письменности. Свойственные современному белорусскому языку немногие старославянизмы типа *вобласць*, *глава*, *глаголіца*, *здравіца*, *злак*, *кратны*, *млечны*, *пасрэднік*, *стражнік*, *храбры*, *храм*, *член*,

¹ Р. А. Б у д а г о в, Введение в науку о языке, М., 1965, стр. 449.

² См.: А. І. Ж у р а в с к і, І. І. К р а м к о, Важнейшыя адрозненні паміж новай і старай беларускай літаратурнай мовай, сб. «Беларускае і славянскае мовазнаўства», Мінск, 1972.

ишем, как и производные от них, заимствованы в новое время через посредство русского литературного языка ³.

Чисто народная основа современного белорусского литературного языка проявляется в том, что в нем и в настоящее время сознательно не допускаются к употреблению такие грамматические средства, которые не находят своего соответствия в белорусских народных говорах. Типичным примером в этом отношении может служить судьба в белорусском языке причастий действительного залога настоящего времени. В процессе изучения истории литературных языков выявлена закономерность: «литературный язык, даже если он основывается на каком-либо одном диалекте, никогда не остается тождественным последнему, а развивает свои собственные черты — в области фонетики, морфологии, синтаксиса и словаря» ⁴. В процессе имманентного развития большинства славянских литературных языков в них закрепились в качестве особой грамматической категории причастия действительного залога настоящего времени.

Как известно, вследствие естественного развития славянских народно-разговорных языков членные формы праславянских активных причастий изменились в прилагательные, а застывшие нечленные — в деепричастия ⁵. Такое развитие причастий имело место во всех славянских народно-разговорных языках, и белорусский язык в этом отношении не был исключением. Иное развитие получили причастия в славянских литературных языках. Как важное средство лаконичного выражения сложного синтаксического содержания, заменяющее, говоря словами А. С. Пушкина, вялые обороты выразительной краткостью ⁶, причастия были сохранены в большинстве славянских литературных языков или же восстановлены в них. Активные причастия настоящего времени широко употреблялись в старобелорусском литературном языке, где они составляли самостоятельную грамматическую категорию. Интересно отметить, что в старобелорусской письменности унаследованные из древнерусского литературного языка причастия старославянского оформления на *-щ-* типа *берущий, идущий, несущий* постепенно были заменены белорусскими эквивалентами со звуком *-ч-*: *беручий, идучий, несучий*. Однако эти причастия позже оказались забытыми в связи с упадком белорусского письменного языка на исходе XVII в.

В новом белорусском литературном языке по мере развития в нем публицистического и научного стилей активные причастия также получили распространение, на этот раз уже под влиянием русского языка. Однако позже, в 20-х годах нашего столетия, под воздействием пуристических стремлений они были устранены из употребления в художественной литературе, и такое отношение к причастиям сохраняется до настоящего времени ⁷, хотя в публицистических и в особенности в научных произведениях эта глагольная форма встречается довольно часто ⁸.

Пример с историей причастий наглядно показывает, что в белорусском письменном языке весьма ограниченно развиваются такие средства,

³ См.: Н. І. Крукоўскі, Рускі лексічны ўплыў на сучасную беларускую літаратурную мову, Мінск, 1958, стр. 48—50.

⁴ Р. О т и, Языковое возрождение славян Австрийской империи 1780—1850 гг. (некоторые проблемы нормализации и образования новых литературных языков), «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Том второй», М., 1962, стр. 53.

⁵ См.: «Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов», Київ, 1966, стр. 234 и 302.

⁶ А. С. П у ш к и н, Полн. собр. соч. в десяти томах, VII, М. — Л., 1949, стр. 439.

⁷ См.: «Граматыка беларускай мовы», I — Марфалогія, Мінск, 1962, стр. 377.

⁸ История причастий в белорусском языке освещена в кн.: Д. А. Л я о н ч а н к а, 3 гісторыі форм дзеепрыметнікаў у беларускай мове, Гомель, 1957.

которые не подкрепляются фактами белорусской народно-разговорной речи. В этих условиях в принципе не может быть существенной разницы между письменной и разговорной формами литературного языка. Тем не менее некоторые различия между письменной и разговорной формами наблюдаются и в нем.

Устная белорусская речь в настоящее время реализуется в трех разновидностях, которые находятся в разных отношениях к письменному языку: официальный стиль устного литературного языка, который используется в театре, радио, телевидении, в официальных выступлениях, лекциях, совещаниях и конференциях; повседневно-разговорная устная речь, которой пользуются говорящие на белорусском литературном языке в беседах неофициального характера, в бытовом общении и домашней обстановке; народно-диалектная речь, сохраняющаяся главным образом среди сельского населения.

Для официального стиля белорусского литературного языка характерно строгое соблюдение кодифицированных орфоэпических, грамматических и лексических норм, несмотря на то, что некоторые из них имеют искусственный характер и не соответствуют состоянию их в большей части белорусских народных говоров. В отличие от этого в повседневно-разговорной устной речи допускаются разнообразные отступления от официальных норм, в связи с чем повседневно-разговорная разновидность оказывается в большей мере отдаленной от норм письменного языка, она занимает промежуточное положение между официальной формой литературного языка и белорусской диалектной речью с уклоном в ту или иную сторону в зависимости от степени владения говорящим нормами литературного белорусского языка.

В зависимости от происхождения и распространения особенностей повседневно-разговорного языка их условно можно разделить на три основные группы: а) общеполитские явления, вызванные произносительно-артикуляционными факторами; б) явления, вызванные воздействием диалектов; в) явления, связанные с унификацией грамматических форм белорусского письменного языка.

Явления первой группы проявляются больше всего в фонетике. Так, согласно нормам белорусского литературного произношения дентальные *д* и *т* перед гласными переднего ряда в заимствованных словах произносятся твердо: *дэкада*, *дэкан*, *дэкрэт*, *дэлегат*, *дэпутат*, *тэатр*, *тэлефон*, *тэхніка*, *дызель*, *дыктант*, *дыктар*, *дынаміт*, *тыран*, *тытан*, *тытул* и т. п. В повседневно-разговорном варианте это требование, как правило, не выдерживается, такие согласные произносятся тут мягко: *дз'экада*, *дз'екрэт*, *ц'ел'ефён*, *ц'эхніка*. Характер произношения согласных *д* и *т* перед гласными переднего ряда усложняется тем, что это правило литературного языка имеет ряд исключений. Перед суффиксами и сочетаниями суффиксального происхождения *-ін*, *-ір*, *-ёр*, *-еец* и *-ейск-* в словах иностранного происхождения *д* и *т* произносятся мягко и на письме передаются через *дз* и *ц* (*каранцін*, *камандзір*, *акцёр*, *гвардзец*)⁹. Но такое разграничение практически выдерживается только лицами, в совершенстве владеющими нормами литературного произношения. В речи же многих лиц, стремящихся говорить на литературном языке, но не знающих этого правила, наблюдается орфоэпический гипернормализм: под воздействием слов типа *дэлегат*, *дэкрэт*, *дырэктар*, *тэлефон* твердые *д* и *т* произносятся и в словах, где они должны произноситься мягко: *арыйентыр*, *мундыр*, *пунктыр*, *транспартыр* (вместо *арыйенцёр*, *мундзір*, *пункцёр*, *транспарцёр*) или *арыйентырбўка*, *балатырбўка*,

⁹ «Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі», Мінск, 1959, стр. 34—35.

бамбардырбўка, камандырбўка, прайектырбўка (вместо арыенцiроўка, балацiроўка, бамбардзiроўка, камандзiроўка, праекцiроўка).

Многие отличия повседневного-разговорной разновидности обуславливаются воздействием орфографии. Такие отступления выражаются в подчеркнуто выразительном произношении всех звуков в составе слова без учета разнообразных ассимилятивных процессов, свойственных литературно-правильной белорусской речи. Под воздействием орфографии в произношении сохраняются сочетания *жс* вместо *с'с'* (*адвaжс'а* вместо *адвaс'с'а*), *жж* вместо *жж* (*разжбiцца* вместо *разжжбiцца*), *жч* вместо *шч* (*грўжчык* вместо *грўшчык*), *шш* вместо *шш* (*б'ашшўмна* вместо *б'ашшўмна*), *сч* вместо *шч* (*п'ерап'шчык* вместо *п'ерап'шчык*), *тч* вместо *чч* (*л'бтчык* вместо *л'бччык*) и т. п.

В повседневном-разговорном варианте распространено отпадение конечного *ц'* в сочетании *с'ц'*: *йос'* (~ *ёсць*), *шэс'* (~ *шэць*), *в'ёрнас'* (~ *вернасць*), *карыс'* (~ *карысць*), *радас'* (~ *радасць*), *х'йтрас'* (~ *хйтрасць*) и т. д.¹⁰

В области грамматики к этому типу явлений относятся, например, формы повелительного наклонения, в состав которых входит приставка *вы-*. Эта приставка выделяется тем, что в формах повелительного наклонения она перетягивает на себя ударение всей формы, в связи с чем конечный гласный *-i* (*-ы*), оказавшись без поддержки ударения, утрачивается в произношении. Такие формы широко употребляются во всех белорусских говорах: *вiб'ер*, *вiв'едз'*, *вiган'*, *вiкал'*, *вiкруц'*, *вiм'ец'* и т. п.¹¹ В письменной форме белорусского литературного языка образования этого типа употребляются с конечным *-i* (*-ы*), как и соответствующие бесприставочные формы, где окончание поддерживается ударением: *бярэ* — *выбярэ*, *вучэ* — *вывучэ*, *вядзi* — *выведзi*, *ганi* — *выганi*, *завi* — *вызавi*, *кажэ* — *выкажэ*, *калi* — *выкалi*, *нясi* — *вынесi*, *пiшы* — *выпiшы*. Однако в повседневном-разговорной форме литературного языка такие образования произносятся, как правило, в сокращенной форме: *вiб'ер*, *вiвуч*, *вiв'едз'*, *вiган'*, *вiкаж*, *вiкал'*, *вiн'ес'*, *вiп'иш*. Вообще же употребление таких форм в разговорной речи не поддается регламентации. Выбор того или иного варианта зависит от темпа и выразительности речи. Известную роль тут играет характер основы, начало последующего слова и интонационное оформление высказывания.

В области словообразования заметную неустойчивость и разнообразие показывают глаголы иноязычного происхождения с суффиксом *-iр-*. В ранний период нового белорусского литературного языка глаголы этого разряда оформлялись по образцам польского языка без суффикса *-iр-*. В словарях белорусского языка 20-х годов нашего столетия и в практическом употреблении распространены были глаголы вроде *дэфiляваць*, *дыскусаваць*, *дысцiплiнаваць*, *драпаваць*, *капiтуляваць*, *кампiляваць*, *кансерваваць*, *каардынаваць* и т. д. Позже в результате проникновения в белорусский язык русских словообразовательных моделей этот тип глаголов начал оформляться по русскому образцу с суффиксом *-iр-*. В итоге в современном белорусском языке сосуществует несколько разновидностей глаголов этого типа: а) без суффикса *-iр-*: *абстрагаваць*, *агiтаваць*, *аналiзаваць*, *апеляваць*, *групаваць*, *датаваць*, *дэкламаваць*, *дэталiзаваць*, *iгнараваць*, *iлюстраваць*, *iранiзаваць*, *кантраляваць*, *лiквiдаваць*, *матываваць*,

¹⁰ О других случаях подобного произношения см.: Ф. Я н к о ў с к i, Беларуская лiтаратурная вымаўленне, Мiнск, 1960, стр. 23—27. Ср. также: «Курс сучаснай беларускай лiтаратурнай мовы. Фанетыка, арфаграфiя, лексiкалогiя», Мiнск, 1961, стр. 92.

¹¹ Подробнее см.: А. I. Ж у р а ў с к i, Гiсторыя форм загаднага ладу ў беларускай мове, «Працы Iнстытута мовазнаўства АН БССР», 4, Мiнск, 1957, стр. 16.

нерваваць, планаваць, рамантаваць, рэагаваць, рэгуляваць, сімуляваць, фіксаваць, цэментавачь; б) с суффиксом *-ір-*: акупіраваць, аплэдзіраваць, базіраваць, блакіраваць, браніраваць, буксіраваць, вентыліраваць, газіраваць, гравіраваць, дазіраваць, дубліраваць, зандзіраваць, камандзіраваць, капіраваць, курсіраваць, лавіраваць, лакіраваць, маскіраваць, мініраваць, пазіраваць, пікіраваць, прэміраваць, фантазіраваць, фармуліраваць, фарміраваць, штудзіраваць, эмігрыраваць; в) дублетные формы с суффиксом *-ір-* или без него: кансервіраваць и кансерваваць, нарміраваць и нармываць, пламбіраваць и пламбаваць.

Такая пестрая картина этих форм в письменном языке имеет следствием то, что практически совершенно нет возможности руководствоваться каким-либо критерием и определять, какие глаголы следует употреблять с суффиксом *-ір-* и какие без него. Даже для письменного языка этот вопрос в случае сомнения приходится решать, обращаясь к словарю. В разговорной речи допускается значительная свобода, причем в большинстве случаев отдается преимущество употреблению суффикса *-ір-* в глаголах, где согласно письменным нормам его не должно быть. Для повседневной разговорной речи обычными можно считать формы абстрагіраваць, апеліраваць, групіраваць, дэкламіраваць, ігнарыраваць, ізаліраваць, кантраліраваць и т. п. С другой стороны, под воздействием глаголов типа агітаваць, апеляваць, групаваць, датаваць, планаваць в разговорной речи возможны гипернормализованные формы вроде аперываць, вентыляваць, дубляваць, маскаваць, фармуляваць, фармаваць, эвакуываць, эміграваць.

Все рассмотренные выше явления имеют общеполорусский характер, они проявляются вследствие недостаточного владения нормами литературного языка и не зависят от диалектного происхождения говорящих.

Вторую группу расхождений между письменной и разговорной формами белорусского литературного языка образуют диалектные черты, которые в настоящее время все еще остаются устойчивыми и накладывают значительный отпечаток на произношение лиц, стремящихся говорить на литературном языке.

В белорусских говорах очень пеструю картину имеет безударный вокализм; здесь различаются диссимилятивное, недиссимилятивное и умеренное аканье и оканье. Нормой литературного произношения считается недиссимилятивное аканье, при котором звуки *о*, *е* и *а* после твердых и отвердевших согласных во всех безударных слогах произносятся как *а* независимо от характера гласного под ударением¹²: *вада́*, *галава́*, *рака́*, *трава́*. Но для представителей северо-восточного белорусского диалекта, которому свойственно диссимилятивное аканье, усвоение недиссимилятивного аканья оказывается затруднительным, и они обыкновенно в беглой повседневной речи сохраняют особенности своего диалекта: *ва́да*, *га́лова*, *ра́ка*, *тра́ва*. Представители говоров с умеренным аканьем также сохраняют особенности своих говоров: *мно́го*, *с'ёно*, *хо́че*. Для представителей северно-восточного диалекта довольно устойчивым оказывается также диссимилятивное яканье: *ба́ида*, *ва́сна́*, *с'истра́* (при литературных *ба́да*, *ва́сна́*, *с'астра́*).

Диалектные особенности особенно заметны в области грамматического строя, причем грамматическая вариантность значительно увеличилась за последнее десятилетие, что находит свое объяснение в историко-культурных факторах. Еще первая грамматика белорусского литературного языка Б. Тарашкевича¹³, ориентировавшаяся на практику досоветских белорусских изданий и на наиболее характерные диалектные особенности,

¹² См.: «Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Фанетыка, арфаграфія, лексікалогія», стр. 88.

¹³ Б. Т а р а ш к е в і ч, Беларуская граматыка для школ, Вільня, 1918.

в значительной мере узаконила в качестве литературной нормы юго-западные грамматические черты, например, формы двойств. числа существительных жен. рода (*дзве хаце, дзве сасне*), звательные формы существительных (*браце, голубе*), окончание *-ом* для существительных муж. и ср. рода дат. падежа мн. числа (*палём, садом*), окончание *-ох* для предл. падежа существительных муж. и ср. рода мн. числа (*у палёх, у садох*), окончание *-ае* для прилагательных жен. рода род. падежа ед. числа (*зялёнае, новае*), окончание *-ма* для повелительного наклонения 1-го лица мн. числа (*будзьма, кіньма*), окончание *-еце* (*-эце*) для повелительного наклонения 2-го лица мн. числа (*бярэце, нясеце*) и др.

После первой мировой войны Белоруссия оказалась поделенной на две части и западная ее часть вошла в состав Польши, где сфера использования белорусского литературного языка была очень ограниченной. Зато в восточной Белоруссии, вошедшей в состав СССР, создались очень благоприятные условия для развития белорусского литературного языка и расширения его общественно-культурных функций. При этом многие грамматические формы литературного языка, имевшие своим истоком юго-западные белорусские говоры и ранее узаконенные грамматикой Б. Тарашкевича, оказались чуждыми для большей части населения восточной Белоруссии. Постепенно они были заменены чертами, свойственными северо-восточному белорусскому диалекту.

После воссоединения западной Белоруссии с восточной и в особенности после второй мировой войны в белорусскую литературу и вообще на арену общественной и культурной жизни Белоруссии пришло много представителей из западной Белоруссии, и это имело следствием возобновление в белорусском литературном языке некоторых грамматических особенностей юго-западных белорусских говоров. Проявление этой тенденции особенно заметно отражается на эволюции окончаний существительных род. падежа мн. числа. Набор флексий существительных род. падежа в белорусском языке вообще характеризуется большим разнообразием по сравнению с другими падежами. Тут может употребляться нулевое окончание (существительные жен. рода основ на *-а* и некоторые муж. рода: *бяроз, дарог, кніг, меж, рэк, год, салдат*), окончание *-аў* (орфографически *-аў, -яў, -оў, -ёў*) (существительные муж. и ср. рода основ на *-о*, частично существительные жен. рода основ на *-а* и существительные жен. рода основ на *-і*: *дамоў, лясоў, палёў, сёлаў, ланяў, студняў, печай, рэчай*) и окончание *-эй* (*-ей*) (существительные жен. рода основ на *-і*: *начэй, радасцей*).

В юго-западных говорах белорусского языка окончание *-аў* (*-яў, -оў, -ёў*) в род. падеже употребляется значительно шире по сравнению с литературным языком, распространяясь на существительные жен. рода основ на *-а* и *-і*: *межай, хатаў, ночаў, сенажацяў*. В соответствии с этим представители юго-западного диалекта в последнее время широко вводят в письменный язык окончание *-аў* для существительных жен. рода: *кнігаў, песняў, хатаў, косцяў, роляў, соляў*. Другие же белорусские авторы придерживаются традиционных письменных норм. Этот наметившийся в письменной практике разноречивый еще в большей мере отражается в разговорной речи.

В литературном белорусском языке в соответствии с особенностями юго-западного диалекта формы глаголов изъявительного наклонения 1-го лица мн. числа морфологически отличаются от форм повелительного наклонения: *бяром, нясём* и *бярэм, нясем*. В северо-восточных говорах нет специальной формы для повелительного наклонения, для которого используются формы изъявительного наклонения, сопровождаясь специфической императивной интонацией: *б'арбм! н'ас'бм!*. Это неразличение со-

храняется у выходцев северо-восточного диалекта и в разговорной форме литературного языка.

Основные диалекты белорусского языка противопоставляются также по употреблению глагольных форм 2-го лица мн. числа изъявительного наклонения: юго-западные *идз'ац'ё*, *н'ес'ац'ё* и северо-восточные *идз'и-ц'б*, *н'ис'иц'б*. Нормой литературного белорусского языка являются юго-западные формы, но для представителей северо-восточного диалекта в разговорной форме литературного языка обычными остаются формы типа *идз'иц'б*, *н'ис'иц'б*.

В разговорной форме белорусского литературного языка широко отражаются и синтаксические особенности основных диалектов — главным образом в структуре словосочетаний, в характере предложно-падежного управления: *с'м'айацца з йагб* — *с'м'айацца л'а йагб*; *йёхац' кан'бм* — *йёхац' на кан'й*; *пайс'ц'й да бац'к'и* — *пайс'ц'й к бац'ку*; *пайёхац' па дрёвы* — *пайёхац' у дрёвы*; *пайс'ц'й па грыбы* — *пайс'ц'й у грыбы*; *вучыцца за дбктара* — *вучыцца на дбктара*; *дайц' карбў* — *дайц' карбў* и т. д.

Различия между письменной и устной формами белорусского литературного языка проявляются и в области словарного состава. Такие различия практически наблюдаются в каждом языке, ибо письменный язык всегда имеет значительно большее количество лексических средств по сравнению с разговорным языком. Но в белорусском языке существуют и свои специфические особенности в этом отношении, характеризующие его в большей мере, чем другие славянские языки. Так, некоторые различия между письменной и устной формами литературного языка по крайней мере для части пользующихся литературным языком имеют своим источником несовпадение средств номинации в белорусских народных говорах. Отношение белорусского литературного языка к лексическим противопоставлениям диалектов неодинаково. Юго-западная диалектная основа литературного языка проявляется в том, что в большинстве случаев письменной нормой признаются лексические средства, свойственные юго-западным говорам: ср. юго-западное и литературное *бачыць* и северо-восточное *в'идз'ец'*, соответственно *гара* — *чардак*, *гаспадар* — *хаз'а-ин*, *качка* — *вўтка*, *кошык* — *карз'янка*, *кураня* — *н'искал'бнак*, *лазня* — *бан'а*, *певень* — *п'атўх*, *рубель* — *жэрдз'*, *сахор* — *в'ялк'и*, *свіран* — *кл'ец'* и т. д. Второй разряд диалектных лексических средств образуют слова, которые на правах лексических дублетов одинаково употребляются в письменном литературном языке: *адрына* — *пуня*, *вясёлка* — *радуга*, *кахаць* — *любіць*, *кашуля* — *сарочка*, *мэндлік* — *бабка*, *нарог* — *лямеш*, *спязачь* — *пець*, *студня* — *калодзеж*, *фурманка* — *падвода*, *хутка* — *ско-ра*, *шашок* — *тхор*, *шмат* — *многа*. К третьему разряду относятся лексические дублеты, которые оцениваются неодинаково в литературном языке: один, большей частью юго-западный, вариант признается основным, а второй, северо-восточный, — факультативным, второстепенным; в словарях он снабжается ограничительными пометами вроде «областное», «разговорное»: *бусел* — *бацян*, *ваўчыца* — *ваўчыха*, *вельмі* — *дужа*, *гла-быш* — *гарлач*, *дрэва* — *дзерава*, *журавель* — *жораў*, *жывёла* — *скаціна*, *запалка* — *сярнічка*, *іржышча* — *іржэўнік*, *кветка* — *краска*, *ляшчэўнік* — *ляшчыннік*, *паяць* — *літаваць*, *серабро* — *срэбра*, *футляр* — *футарал*, *штаны* — *нагавіцы* и т. п. В большинстве случаев употребление того или иного варианта в устной форме литературного языка зависит от диалектного происхождения лица, пользующегося литературным языком.

Многие лексические различия между письменной и разговорной формами белорусского литературного языка связаны с характером развития белорусского литературного языка в 20-е годы XX в., когда особенно интенсивно складывались основные пласты книжной и терминологиче-

ской лексики. Среди языковедов и вообще культурных деятелей того времени распространилось стремление к закреплению в литературном обиходе таких лексических средств, которые не совпадают с соответствующими словами русского языка. Эта особенность развития словарного состава тогдашнего белорусского литературного языка замечена была уже в 1927 г. Н. Н. Дурново, который обратил внимание на то, что вследствие стремления части белорусских писателей порвать со всеми традициями и сделать свой литературный язык отличным и от русского, и от украинского в белорусский литературный язык, особенно в язык научной прозы, вошло много чужих элементов, не свойственных ни русскому литературному языку, ни живым белорусским говорам¹⁴. Столкнувшись с необходимостью дифференциации литературной и диалектной лексики, составители тогдашних белорусских словарей, естественно, не смогли определить пласт общенародной лексики и в ряде случаев переводили русские слова узкими белорусскими диалектизмами, заимствованиями из польского языка или искусственными новообразованиями, например: *абажур* — *каптур*, *автомат* — *самарух*, *аксиома* — *пэўнік*, *арсенал* — *збраёўня*, *бандероль* — *перавязка*, *бедность* — *бабыльства*, *беспокойство* — *турбацыя*, *беспорядок* — *рагаза*, *библиотека* — *кніжніца*, *биржа* — *гельда*, *вентилятор* — *ветрагон*, *водолаз* — *нырэц*, *гайка* — *мутэрка*, *гарнизон* — *залога*, *домосед* — *даматур*, *жаба* — *курапа*, *извятие* — *вылепак*, *кислород* — *плён*, *кресло* — *фатэля*, *маятник* — *хістальнік*, *металлургия* — *гамарства*, *мольберт* — *шталога*, *приманка* — *лібіла*, *продовольствие* — *еміна*, *рассказчик* — *павядач*, *этаж* — *навалак* и т. д.¹⁵

Позднейшие белорусские лексикографические труды в большей мере начали ориентироваться на русский литературный язык, в связи с чем значительная часть заимствований и неологизмов 20–30-х годов вышла из употребления в литературном белорусском языке. Некоторая часть слов того времени сохраняется в современном литературном языке, но она существует параллельно с общенародной лексикой и квалифицируется как устаревшая или разговорная: *алмаз* — *дыямент*, *вывод* — *выснова*, *карандаш* — *аловак*, *касцюм* — *гарнітур*, *латунь* — *мосенж*, *парус* — *ветразь*, *плошча* — *пляц*, *руль* — *стырно*, *чай* — *гарбата*, *чарніла* — *атрамант*.

Однако многие слова того времени в полной мере сохраняются в белорусском литературном языке и культивируются как специфически белорусские, они не имеют дублетов в письменном языке, но в разговорной речи многих лиц заменяются словами, общими с русским языком: *ванітаваць* — *ташн'іць*, *газа* — *карас'ін*, *лошчына* — *лапіш*, *сузіорык* — *ножык*, *тытунь* — *табака*, *футра* — *м'ех*, *цесля* — *плётні'ік*, *цукерка* — *канф'эта*, *цыгарэта* — *с'ігарэта*, *цырата* — *кл'айбнка*, *шкарпэтка* — *насок*, *шкіпінар* — *ск'ін'ідар*, *шпалеры* — *аббі* и т. д.

На характер лексических отличий значительное влияние оказывает распространенное в Белоруссии белорусско-русское двуязычие. Как показывают результаты социологических исследований, около 77% опрошенных, кроме родного, постоянно пользуется русским языком¹⁶. В белорусской речи такие говорящие, естественно, более часто употребляют русские слова или такие диалектные лексические средства, которые совпадают с соответствующими русскими.

¹⁴ Н. Н. Дурново, Введение в историю русского языка, М., 1969, стр. 29–30.

¹⁵ Подробнее см.: И. И. Крамко, А. К. Юрэвич, А. І. Яновіч, Гісторыя беларускай літаратурнай мовы, II, Мінск, 1968, стр. 195–210.

¹⁶ П. Машеров, О некоторых чертах и особенностях национальных отношений в условиях развитого социализма, «Коммунист», 1972, 15, стр. 29.

Отмеченный выше процесс диалектизации белорусского письменного языка не ограничивается областью грамматики, но распространяется и на лексический состав, причем осуществляется здесь он более свободно и беспрепятственно. Многие современные молодые белорусские писатели широко вводят в литературный обиход узкодиалектные слова, практически понятные лишь узкому кругу читателей. Показательной в этом отношении является литературная деятельность молодого белорусского прозаика Ивана Пташника. В язык своего романа «Мстижи» (1972) он ввел около 200 диалектных слов и индивидуальных новообразований, которые не фиксируются словарями белорусского литературного языка. Употребление некоторых из таких диалектизмов стилистически оправдано, поскольку они служат для обозначения местных или общеполесских реалий и понятий, не имеющих в литературном языке специальных средств наименования, или же дают возможность передать дополнительные семантические нюансы, например, *верхаллё* «верхушки деревьев», *додніца* «предутренний рассвет», *напешика* «скороспелка», *пярэчка* «поперечная борозда», *туляг* «одинокая туча», *шуметнік* «место для выброса мусора», *шыллё* «осыпавшаяся игла хвойных деревьев» и др.

Вместе с тем этот автор широко употребляет местные фонетические и словообразовательные варианты, которым в литературном языке соответствуют однокоренные эквиваленты иного фонетического и словообразовательного оформления: *альшэўнік* при литературном *алешнік* «ольшаник», соответственно *далець* = *аддалацца* «удаляться», *касьлю* = *касьля* «касошница», *квят* = *кветка* «цветок», *крыжаватка* = *скрыжаванне* «перекресток», *мэнчыца* = *мучыца* «мучиться», *пад'яловец* = *ядловец* «можжевельник», *рукаво* = *рукаў* «рукав», *тофель* = *таполя* «тополь», *шклунак* = *клунак* «котомка», *шэнціць* = *шанцаваць* «везти» и т. п. Введение в литературное произведение узкодиалектных форм вроде *высака*, *глыбака*, *шырака* вместо общепринятых *высока*, *глубока*, *широка* или образований типа *адумысла*, *удваёчках*, *усягды*, *ценка* вместо *сумысле*, *удваіх*, *заўсёды*, *тонка* нельзя расценивать как обогащение литературного языка, поскольку в нем уже закреплены традицией необходимые слова для обозначения таких понятий. Употребленные в этом романе существительные вроде *беражніца*, *вандэлак*, *дарожніца*, *дзярняк*, *жыліна*, *жмук*, *канаторжнік*, *крыжоўка*, *латочына*, *ляжэйка*, *матачына*, *нажутка*, *надзежнік*, *павалакан*, *спрага*, *трасочнік*, *умеце*, *уручка*, *хваічанка*, *шпалёўка*, глаголы *адтатурэаць*, *вышмыкаць*, *вышчалукуць*, *галяшыць*, *дырчаць*, *жмакаць*, *згусаць*, *назызаць*, *пастрэпаць*, *перажаргнуць*, *сіляць*, *учарэпіць*, *цыльгікаць*, *шваргатаць*, *шлеіць*, прилагательные и причастия *здрабжаны*, *падцыглысты*, *праштабнаваны*, *разбайдаваны*, *разбалабашаны* и другие остаются непонятными широкой массе читателей даже в контексте литературного произведения. Такие лексические средства, естественно, не употребляются в разговорной форме литературного языка.

Подобная диалектизация словарного состава только увеличивает различие между письменной и разговорной формами белорусского литературного языка в области лексики.

Некоторые различия между письменной и разговорной формами белорусского литературного языка вызываются также тенденцией к унификации таких грамматических форм, которые в белорусских говорах имеют разные средства выражения и соответственно не имеют единства в письменном языке. Сама по себе тенденция к унификации — явление положительное, поскольку она содействует выработке и закреплению в литературном употреблении единых грамматических средств и тем самым отвечает функции литературного языка. К сожалению, в некоторых

случаях она осуществляется слишком прямолинейно, без учета фактов истории языка и современного его состояния.

Из истории белорусского языка известно, что предложный падеж существительных основ на *-о* издревле имел окончание *-ѣ (-е)* в твердом варианте и *-и* — в мягком. Однако очень рано вследствие смешения основ в существительные на *-о* проникло окончание прежних основ на *-и*, и этот процесс широко отражается памятниками старобелорусской письменности, где обычными являются формы типа *в дому, в жалю, в звычайю, в каменю, в кораблю, в монастыру, в полю, в раю, в тыдню, в тѣню, на берегу, на коню, на крижу, на олтару, на палацу, при стогу* и т. д.¹⁷ В современных белорусских говорах широко проявляется тенденция к закреплению окончания *-у* во всех видах основ муж. и ср. рода: *на аўсу, на вазу, на валасу, на ветру, на дню, на дубу, на кусту, на палу, на пасту, на плыту, на сярпу, на шляху, на закону, на свету, у гаду, у даму, у саду, у тылу, у хляву, у цяню* и т. п.¹⁸ Вопреки этому в белорусском литературном языке в его письменном варианте действует стремление сохранить старые формы на *-е* и *-і*: *на гусце, на загадзе, на сакрэце, на сэнсе, на вызваленні, на жаданні, на заданні*. В связи с распространением этой тенденции значительно увеличивается разрыв в формах предл. падежа белорусского письменного языка и его повседневно-разговорной формы, находящейся под заметным влиянием диалектного формоупотребления.

Проявление тенденции к унификации в белорусском письменном языке особенно заметно отражается в структуре предложных сочетаний. В белорусском языке для указания на содержание или основание мысли, предположения, на предмет говорения или чувства употребляются близкие по значению предлоги *аб* и *пра*, причем первый из них характеризуется большей абстрактностью, второй — очевидной конкретностью, хотя в большинстве случаев они выступают как синонимы¹⁹, ср. *Я павінен падумаць аб сваіх дзеях, ці я не павінен думаць пра іх?* (М. Лыньков). Отсутствие четких границ употребления каждого из этих предлогов приводит к тому, что предлог *аб* фактически устраняется из белорусского литературного языка и соответственно получают распространение конструкции с предлогом *пра*: *апавяшчэнне пра парушэнне, артыкул пра творчасць, загад пра назначэнне, звесткі пра прыроду, навука пра грамадства, гаварыць пра неабходнасць, сведчыць пра характар* и т. д. Подобную же судьбу имеет и предлог *к*, вытесняющийся конструкциями с предлогом *да*. Предлог *на*, употребляющийся в белорусском языке с дат., вин. и предл. падежами, ограничивается употреблением только в вин. и предл. падежах.

С другой стороны, в белорусском литературном языке последних лет наблюдается необычайно активная экспансия предлога *на* в разнообразных синтаксических условиях: *пісаць на адрас, служыць на флоце, заданне на высвятленне, помнік на ўшанаванне, слесар на рамонт, вялікі на аб'ём, неабходны на выраб* и т. д.

Усиленная диалектизация и прямолинейная унификация грамматических средств белорусского литературного языка на протяжении последнего десятилетия, вопреки ожиданиям ее приверженцев, отрицательно сказалась на общем процессе развития белорусского литературного языка и его престиже. Это стало особенно ощутимым в последние годы, когда в белорусской печати, в передачах по радио и телевидению и даже в учеб-

¹⁷ Другие примеры из памятников приводит М. А. Жидович («Назоўнік у беларускай мове», ч. 1 — Адзіночны лік, Мінск, 1969, стр. 90—92).

¹⁸ Там же, стр. 94—101.

¹⁹ См.: П. П. Шуба, Прыназоўнік у беларускай мове, Мінск, 1971, стр. 169—170.

никах по белорусскому языку начали обнаруживаться недопустимые нарушения орфографических, орфоэпических и грамматических норм, кодифицированных прежними пособиями по белорусскому языку и закрепленных многолетней практикой. Вполне естественно, что усилившийся в последние годы грамматический разнобой в белорусском письменном языке неизбежно создал предпосылки для еще большего разнобоя в разговорной белорусской речи, нормы которой вообще в меньшей мере поддаются регламентации по сравнению с письменным языком.

В связи с создавшейся обстановкой в феврале 1972 г. в Академии наук БССР было проведено специальное совещание по вопросам культуры белорусского языка. В работе совещания приняли участие представители Министерства высшего и среднего специального образования, Министерства просвещения, Союза писателей БССР, редакций республиканских газет и журналов, главной редакции Белорусской Советской Энциклопедии, Института языкознания им. Якуба Коласа и Института литературы им. Янки Купалы Академии наук БССР, кафедр белорусского языка высших учебных заведений, Государственного комитета Совета Министров БССР по телевидению и радиовещанию, работники издательств и других учреждений и организаций, которые в своей практической деятельности имеют непосредственное отношение к белорусскому языку в его письменной и устной формах.

В результате обмена мнениями совещание признало ненормальным положение, при котором в белорусской периодической печати, на радио, телевидении и даже в некоторых учебниках допускается нарушение правописных и орфоэпических правил; отдельные редакции и некоторые авторы произвольно проводят по своему усмотрению изменения правил правописания и грамматики, неоправданно распространяют в литературном языке диалектные грамматические формы.

Коллективная мысль участников совещания была доведена до сведения широкой общественности специальной статьей народного писателя Белоруссии, вице-президента Академии наук БССР Кондрата Крапивы²⁰. После этого совещания большинство белорусских издательств отказалось от неоправданного новаторства и перешло к употреблению традиционных грамматических форм.

²⁰ См.: К а н д р а т К р а п і в а, Грамадская неабходнасць і беспадстаўнае наватарства, газ. «Звязда», 29 III 72.